

УДК 343.98

К ДИСКУССИИ О ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ОБЪЕКТНО-ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ

М. В. Стояновский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 сентября 2012 г.

Аннотация: рассматриваются принципиально значимые элементы предмета криминалистики. Дается критический анализ отдельных определений криминалистики. Констатируется значение криминалистического познания механизма преступной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, предмет криминалистики, механизм преступления, расследование.

Abstract: the article deals with fundamentally important elements of the subject of criminalistics. Provides a critical analysis of individual determinations of criminalistics. Ascertained value of criminalistics of the mechanism of criminal activity.

Key words: criminalistics, the subject of criminalistics, the mechanism of the crime, the investigation.

Среди многообразных дефиниций криминалистики большинством российских ученых приоритет по праву отдается определению, сформулированному несколько десятилетий назад Р. С. Белкиным: «Криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»¹.

Данным определением, по сути, констатируется наличие особого рода закономерностей и объектов (средств, методов, целей), составляющих предметную область самостоятельной науки – криминалистики. И теперь общепринято «связывать предмет криминалистики с системой специфических закономерностей, характерных для объекта этой науки»².

Однако суждения по поводу изучаемых криминалистикой закономерностей и объектов на доктринальном уровне неоднозначны, а иногда и вовсе противоречивы. Следствием этого является искусственное «сужение» (либо, напротив, «расширение»³) границ предметной области криминалистики.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1 : Общая теория криминалистики. С. 112.

² Образцов В. А. Криминалистика : модели средств и технологий раскрытия преступлений. М., 2004. С. 11.

³ Весьма дискуссионным является, в частности, мнение Т. С. Волчецкой, определяющей криминалистику как науку «о закономерностях механизма юридического факта, возникновения информации о юридически значимой ситуации и ее участниках...», чем подчеркивается междисциплинарный характер криминалистики (см.: Волчецкая Т. С. Развитие криминалистической науки и предмет кри-

В частности, анализ многочисленных дефиниций предмета криминалистики позволяет заметить недостаточность смысловой нагрузки отдельных определений, игнорирующих изучение криминалистикой закономерностей механизма преступления (преступной деятельности)⁴, тогда как именно эта система не только обуславливает возникновение источников криминалистически значимой информации, но и «предоставляет ключ к ее декодированию, прочтению и истолкованию»⁵.

Так, одним из самых лаконичных является определение криминалистики *как науки о раскрытии преступлений*⁶, основное предназначение которой состоит в разработке и совершенствовании средств и методов раскрытия преступлений⁷.

Безусловно, в предмет изучения криминалистики входят закономерности, характеризующие процесс раскрытия преступлений, выражающиеся, например, в положениях частных криминалистических методик, правилах разработки и проверки версий, особенностях применения технических средств и тактических приемов при производстве следственных действий и др.

миналистика // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 2002. С. 68).

⁴ Не вдаваясь в научную дискуссию о соотношении понятий «механизм преступления», «механизм преступного поведения», «механизм преступной деятельности», отметим, что в наиболее развернутом плане содержание данного «механизма» составляют не только действия, направленные на непосредственную реализацию преступного акта и выражающиеся, прежде всего, в способе совершения преступления, но также и действия предкриминальные (подготовительные) и посткриминальные (сокрытие преступления, противодействие расследованию). Причем в систему преступной деятельности, как полагают некоторые ученые (в частности, В. П. Бахин), могут быть включены и действия непроступного характера. «Для установления виновности, – пишет В. П. Бахин, – необходимо изучать и выявлять все то, что позволяет установить конкретику уголовно наказуемых деяний лица» (см.: *Бахин В. П.* Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002). Киев, 2002. С. 24–25).

⁵ Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986. С. 333.

⁶ См.: Криминалистика : учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1988. С. 7.

⁷ Подобным образом – без указания на изучение закономерностей преступной деятельности – криминалистику определяет ряд отечественных ученых. Так, по мнению С. П. Митричева, криминалистика «является наукой о технических средствах, тактических приемах и методах, применяемых для выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий судебных и следственных органов по обнаружению и собиранию, фиксации и исследованию доказательств в целях расследования преступлений...» (цит. по: *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 1 : Общая теория криминалистики. С. 78). И. Ф. Крылов определяет криминалистику как науку «о технических средствах, тактических приемах и методах, используемых с соблюдением норм процессуального закона для обнаружения, собирания, сохранения, фиксации и исследования доказательств в целях эффективного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» (см.: Криминалистика / под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1976. С. 11).

Однако определение криминалистики лишь через процесс раскрытия преступления, в буквальном смысле отражая по своей сути целевое предназначение криминалистики (раскрытие как процесс и раскрытие как идеальная модель результата⁸ деятельности), игнорирует комплекс закономерностей, относящихся к системе «преступная деятельность». В то же время авторы подобного рода определений (в частности, И. Ф. Пантелеев) не оспаривают также и изучения криминалистикой криминальной практики (совершенных преступлений), всего общего и типичного, что свойственно подготовке, совершению и сокрытию различных видов преступлений⁹.

Исходя из указанных теоретических конструкций, не ясно: криминалистика *изучает* или *учитывает* закономерности криминальной практики. Для определения структурообразующих предмет криминалистики закономерностей, думается, это обстоятельство имеет принципиальное значение.

По утверждению таких авторов, как В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде, закономерности преступной деятельности не должны входить в предмет криминалистики. В частности, они предлагают определение криминалистики как науки, изучающей закономерности расследования преступного деяния как акта научного познания. Данное определение авторы сопровождают положениями о том, что эти закономерности образуют систему, состоящую из трех взаимосвязанных элементов:

1) появление следов преступного деяния как ожидаемое событие в процессе установления обстоятельств, связанных с событием преступного деяния;

2) проведение следственных действий как основной законный способ обнаружения, получения и фиксации доказательств;

3) научная организация расследования преступных деяний как организация планомерного, целенаправленного процесса установления обстоятельств, связанных с событием преступного деяния¹⁰.

Такое видение определения предмета познания криминалистики, подытоживают свои рассуждения В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде, является развитием идеи Г. Гросса и позволит более четко определить место криминалистики в системе юридического знания¹¹.

По нашему убеждению, с данной точкой зрения и ее авторским обоснованием согласиться нельзя.

В частности, указывая на недостатки дефиниций предмета криминалистики, сформулированных российскими учеными в различные истори-

⁸ Учитывая разнообразные подходы к соотношению понятий «раскрытие преступления» и «расследование преступления», здесь указанные понятия употребляются как синонимы (в объеме, традиционно характерном для понятия «расследование»).

⁹ См.: Криминалистика : учебник / под ред И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. С. 7.

¹⁰ См.: Терехович В. Н., Ниманде Э. В. Сущность предмета познания криминалистики // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 12.

¹¹ См.: Там же. С. 12–13.

ческие периоды, В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде в то же время замечают в ряде таких определений некую интерпретацию смысла идеи, предложенной «отцом» криминалистики – Г. Гроссом. Опуская идеологическую полемику (таковая, на наш взгляд, отнюдь не прояснит сущности криминалистических дискуссий, поскольку не имеет отношения к категориальному аппарату криминалистики), заметим следующее.

Интерпретацию положений Гросса в контексте собственных рассуждений допускают В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде. «Науку криминалистики, – пишут они, – не интересует, как совершаются преступные деяния, науку криминалистики интересует, как расследуются преступные деяния»¹².

Именно Г. Гросс в Предисловии к 3-му изданию своего руководства для судебных следователей отмечал, что эта наука изучает реальную сторону явлений, составляющих содержание материального (т.е. уголовного) права, «раскрывает перед нами сущность преступных деяний, их начало, их составные части, их дальнейшее течение и цели»¹³. Он же писал следующее: «Каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы... какие были мотивы к совершению такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики...»¹⁴.

В связи с этим трудно согласиться и с В. А. Образцовым, утверждающим, что криминалистика как наука имеет лишь один объект изучения и обеспечения – следоведческий аспект поисково-познавательной уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов; ее предмет составляют закономерности собирания, проверки и реализации субъектами уголовного преследования доказательственной и иной уголовно-релевантной информации и разрабатываемые на основе познания упомянутых закономерностей модели поисковых и познавательных средств и технологий выявления, раскрытия преступлений и решения иных задач в уголовном судопроизводстве¹⁵.

Между тем В. А. Образцов отмечает, что в криминалистике весьма пристальное внимание уделяется выявлению и изучению самых различных закономерностей, лежащих в основе *криминальных событий*: закономерных связей между предкриминальным, криминальным и посткриминальным поведением лиц; преступлениями и другими видами поведения и деятельности; отдельными элементами и группами элементов преступлений, и др.¹⁶ При этом преступную деятельность (и ее закономерности) ученый не включает в объектно-предметную область криминалистики.

Свое понимание объекта и предмета криминалистики В. А. Образцов объясняет следующим образом: «Исследование преступлений в крими-

---

¹² Терехович В. Н., Ниманде Э. В. Указ. соч. С. 9.

¹³ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. 3-е изд. М., 2002. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 7.

¹⁵ См.: Образцов В. А. Указ. соч. С. 10–12.

¹⁶ См.: Там же. С. 11.

налистике идет не напрямую, путем изучения преступлений в их натуральном виде, а опосредованно, по данным, отраженным в проверочных материалах, в уголовных делах и других источниках (путем опроса следователей и осужденных преступников, потерпевших, изучения публикации в СМИ и т.д.). Изучение преступлений в «живом виде», в натуре исключается, ибо возможность непосредственного восприятия... принципиально меняет ситуацию, поскольку ученый перестает быть ученым – он становится свидетелем преступления и его необходимо допрашивать»¹⁷.

Подобное обоснование аналогичного мнения о сущности предмета криминалистики, со ссылкой на иную область научного знания – медицину, приводят В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде. Они пишут: «...науку медицину не интересует, как умерщвлять людей, чтобы на основе этих знаний... создавать технические средства, тактические приемы и методы выяснения истины по факту смерти, науку медицину интересует, как лечить людей»¹⁸.

По нашему глубокому убеждению, такого рода обоснования объектно-предметной области криминалистики не лишены недостатков не только в методологическом, но и в прагматическом плане.

В частности, в контексте приведенных выше рассуждений авторов такая отрасль медицины, как психиатрия, разрабатывающая методы лечения и профилактики психических заболеваний, вряд ли эффективно справится со своим назначением без изучения проявления, причин и механизмов развития психических болезней, без констатации и учета соответствующих закономерностей. Более того, для психиатра важными источниками информации о механизмах развития и проявления заболевания (в дополнение к непосредственному – в «живом виде» – изучению конкретного пациента) могут стать сведения, полученные опосредованным путем (изучение архивной медицинской документации; анализ информации, полученной от родственников и др.). При этом у врача, думается, не возникнет сомнений в том, что такое «опосредованное» получение информации о заболевании, равным образом, как и обращение к справочным и учебным материалам для соответствующего сопоставления признаков, относится к *методам* его распознавания (диагностики), что, в свою очередь, выступает неперемным условием определения стратегии и тактики лечения.

Подобным образом, но уже в своей специфической области работает и криминалист. Известное криминалистическое правило – «идти от метода совершения преступления к методу его раскрытия», по сути, констатирует факт существования общего пути познания (общего метода) при расследовании преступлений¹⁹. При этом как предмет (объект) познания исследуется само преступление, в то время как механизм его отражения в окружающей среде исследуется как канал информации, обуславлива-

---

¹⁷ Образцов В. А. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁸ Терехович В. Н., Ниманде Э. В. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁹ См.: Чурилов С. Н. Методика расследования преступлений. М., 2009. С. 4.

ющий формирование сведений о преступлении²⁰. В связи с этим следует согласиться с утверждением В. Е. Корноухова о том, что «криминалистика изучает преступную деятельность в той системе, которая предусмотрена уголовным законом, но через призму отражения деятельности в обстановке совершения преступления. При этом познание закономерностей отражения совершения преступлений становится для криминалистики одним из главных объектов, потому что это знание является предпосылкой к познанию тех изменений, которые определяют способы и средства извлечения сведений о прошлом. Оно связано с познанием механизма совершения преступления»²¹.

Чтобы такое (криминалистическое) познание имело позитивный результат, все известное многообразие криминальных реалий (способов преступлений, орудий их совершения, образующихся от их применения следов и др.) следует выявить, изучить, систематизировать, выразить в соответствующих классификациях. Полученный таким образом эмпирический материал дает представление о системе соответствующего вида преступной деятельности – типовом (видовом) механизме преступления, знание закономерностей которого, вне всяких сомнений, является условием выработки нормативов и приемов деятельности по расследованию преступлений.

Более того (вернемся вновь к определению В. Н. Тереховича и Э. В. Ниманде), научность, планомерность, целенаправленность расследования, к примеру экономических преступлений, напрямую зависят от знания следователем закономерностей их подготовки, совершения, сокрытия, механизма слеодообразования. В противном случае процесс расследования вряд ли будет иметь черты сходства с актом научного познания (о котором в своем определении пишут В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде), а работа следователя – с работой ученого (такую общность работ подмечал, в частности, И. М. Лузгин²²).

«Преступление, взятое в собственно криминалистическом плане, выступает не только как юридический факт, но и как предметная деятельность...»²³, поэтому нельзя познать закономерности деятельности по расследованию, не изучив тот объект, на который она направлена, т.е. преступную деятельность²⁴. В связи с этим образно замечает О. Я. Баев: «...разрабатывать средства судебного исследования преступлений в отрыве от закономерностей последних – все равно что пытаться начертить

---

²⁰ См.: Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. С. 8.

²¹ Корноухов В. Е. О понятии объекта и предмета науки криминалистики // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина : материалы Междунар. науч. конф. Воронеж, 2002. С. 155–156.

²² См.: Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 108–109.

²³ Цит. по: Бахин В. П. Указ. соч. С. 23.

²⁴ См.: Там же.

прямоугольник одной линией: либо без длины, либо без ширины»²⁵. Разработка наиболее эффективных криминалистических приемов, методов и средств, замечает также Е. Е. Центров, обуславливается познанием комплекса таких закономерностей: преступного деяния, его последствий, действий и поведения виновного не только до преступления и в процессе его совершения, но и после того, как преступление совершено²⁶.

Практическому решению мыслительных задач, возникающих перед следователем в процессе расследования конкретных преступлений, «адекватен системный подход к оперированию понятием «преступление», при котором возникает необходимость синтезировать в единой системной модели теоретические представления, полученные в результате изучения преступления... в его различных срезях»²⁷.

Как известно, немало таких «срезов» имеется в методологических арсеналах наук криминального цикла (уголовного права, криминалистики, криминологии). Однако дифференциация научного знания и явилась результатом выявления и изучения той или другой наукой соответствующих закономерностей (в частности, изучения криминалистикой закономерностей механизма преступления).

При этом закономерности, изучаемые криминалистикой, целесообразно располагать (классифицировать) соответственно и общетеоретическим положениям, и частным криминалистическим теориям, в которых, как известно, разрабатываются и изучаются такие закономерности²⁸.

Практика же выступает как определитель того, что требуется от познания, требует той или иной направленности субъекта на объект, вычленения из него тех аспектов, которые существенны в данной деятельности²⁹. В связи с этим изучение криминалистикой закономерностей механизма преступной деятельности представляется аксиоматичным, предопределенным потребностями криминалистической науки и практики.

Более того, преследуя иные цели в отличие от целей смежных наук, криминалистика разрабатывает собственные классификационные системы преступлений, основываясь при этом на выявлении и исследовании особого рода закономерностей механизма преступной деятельности – закономерностей формирования и проявления криминалистических черт отдельных видов преступлений³⁰.

²⁵ Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2009. С. 21–22.

²⁶ См.: Центров Е. Е. Закономерности криминалистики и особенности использования сведений о них в процессе расследования преступлений // Современное состояние и развитие криминалистики / под ред. Н. П. Яблокова, В. Е. Шепитько. Харьков, 2012. С. 27.

²⁷ Шиканов В. И. Междисциплинарная характеристика отдельных видов преступлений – информационная модель расследуемого события // Вопросы теории и методов следственной работы. Иркутск, 1988. С. 27.

²⁸ См.: Центров Е. Е. Указ. соч. С. 30.

²⁹ См.: Коршунов А. М. Принцип отражения и активность субъекта // Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978. С. 54.

³⁰ См.: Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. С. 113.

Закономерности формирования таких особенностей обусловлены соответствующими процессами законотворчества, а в конечном счете – конкретными нормами (диспозициями) уголовного закона; закономерности же их проявления – конкретными жизненными реалиями, в которых отображаются соответствующие процессы преступной деятельности (действия преступника).

К числу закономерностей, изучаемых криминалистикой, как уже было отмечено выше, В. Н. Терехович и Э. В. Ниманде относят «появление следов преступного деяния как ожидаемое событие в процессе установления обстоятельств, связанных с событием преступного деяния»³¹. Думается, авторами допущена методологическая ошибка в самой формулировке закономерности: в ней видится некий параллелизм, одновременность начала процессов, относящихся к совершенно различным видам деятельности – криминальной и криминалистической («появление следов в процессе установления обстоятельств»).

Появление типичных (ожидаемых) следов есть результат реализации объективной стороны преступления или, иными словами, действий (бездействия) преступника. Установление же криминалистически значимых обстоятельств (обстоятельств, связанных с событием преступного деяния) суть иной деятельности – по переработке механизма следообразования на основе типичных версий.

Не меньшее криминалистическое значение имеет и знание следователем закономерностей возникновения и проявления негативных признаков (обстоятельств) – отсутствия необходимых («ожидаемых») следов или наличия следов, не обусловленных типовым механизмом совершения преступления определенного вида. Существование таких (негативных) признаков, как справедливо отмечает О. Я. Баев, объясняется несколькими причинами: либо следы к совершению преступления отношения не имеют, либо «лишние» следы созданы умышленно преступником, либо они возникли в результате действий преступника, необходимость совершения которых логикой реализации механизма преступления не вызывалась, или их совершение было предопределено непредвиденным для преступника развитием криминальной ситуации, либо они обусловлены исключительно субъективными свойствами и особенностями личности преступника³².

Следы преступления (необходимые или «лишние») являются результатом определенных действий субъекта преступления, детерминированных объективными и субъективными факторами. Причем, несмотря на бесконечное многообразие этих факторов, обуславливающих аналогичные формы деятельности, в их составе, содержании и структуре все же имеется определенное сходство. Относительное сходство факторов, влияющих на действие одного и того же или разных субъектов, совершающих

---

³¹ Терехович В.Н., Ниманде Э. В. Указ. соч. С. 12.

³² См.: Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2007. №1(2). С. 267–268.

аналогичные деяния, обуславливает повторяемость способов преступления и следов их проявления³³.

Именно на данной основе, с учетом возможных модификаций типового механизма слеодообразования, обусловленных субъективными или объективными факторами, начинается целеустремленная последовательная реконструкция механизма совершения преступления³⁴.

В целом принятие верных и своевременных процессуальных и тактических решений, а равно их грамотное исполнение в конкретных условиях расследования напрямую зависит от осознания следователем механизма образования следов (являющихся типичными для совершения преступления данного вида) на определенных (тоже типичных) объектах-следоносителях.

Попутно заметим следующее. Изучение механизма преступления и механизма слеодообразования при совершении преступлений, имеющих существенные различия с точки зрения уголовного права, позволяет в то же время выявить в них криминалистическую общность, что способствует созданию единых для нескольких видов преступлений (групповых) методик расследования. Например, с точки зрения уголовно-правовой квалификации и систематизации преступлений взяточничество (дача и получение взятки) и коммерческий подкуп представляют собой различные деяния. В то же время сходство механизма преступной деятельности, а также механизма образования следов, и в том и в другом случае весьма типично. Это, в свою очередь, обуславливает методическое сходство в расследовании таких деяний, а соответственно, выступает предпосылкой существования единой методики их расследования³⁵.

Таким образом, подход к определению криминалистической науки, игнорирующий значимость познания закономерностей преступной деятельности и в то же время декларирующий научность процесса расследования, образно выражаясь, создает «непересекающиеся прямые», отрывая процесс расследования от того, что расследуется. При этом «ломаются» и известные постулаты ряда частных криминалистических теорий в структуре общей теории криминалистики, изучающих соответствующие закономерности, искажаются (либо вовсе разрушаются) научные основы криминалистической методики (в частности, положения о видовых криминалистических характеристиках преступлений; научные алгоритмы базовой и частных криминалистических методик).

По нашему убеждению, родовым объектом криминалистической науки следует рассматривать *деятельность (деятельностный аспект)* в более

---

³³ См.: Карагодин В. Н. Формирование и развитие современных представлений об объекте и о предмете криминалистики // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2012. № 3 (4). С. 52.

³⁴ См.: Баев О. Я. Прагматические основы криминалистической методики уголовно-процессуального исследования преступлений отдельных видов. С. 268.

³⁵ См.: Баев О. Я., Стояновский М. В. К вопросу о криминалистической классификации преступлений по основанию единства их объективной стороны // Уголовное право и криминология. Воронеж, 2007. Вып. 3. С. 24–25.

широком смысловом ее понимании, – как специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, результатом которой являются его изменение и преобразование³⁶.

При этом содержание объектно-предметной области криминалистики как науки прикладного характера составляют:

1) познание преступления, преступной деятельности (как системы динамического порядка с присущими ей закономерностями функционирования);

2) познание и совершенствование деятельности по криминалистическому («уголовно-процессуальному» или «судебному») исследованию преступления.

Указанные виды деятельности, с характерными для них элементами (цели, субъекты, средства, процесс, результат деятельности) и взаимосвязями, на наш взгляд, являются основными структурообразующими элементами объекта и предмета криминалистики.

Расследование преступлений как подлинно научный (диалектический) акт познания немислим без изучения закономерностей преступной деятельности, без исследования механизма следообразования и систематики этих процессов, создающих научную основу реализации рекомендаций по расследованию преступлений отдельных видов и групп.

---

³⁶ Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.]. М., 1983. С. 151.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: mstoyan@narod.ru

Тел.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovskiy M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criministics Department

E-mail: mstoyan@narod.ru

Tel.: 8-910-282-54-19